

1 марта, еще съ большою настойчивостію продолжаетъ называть нигилистами всѣхъ нашихъ революціонеровъ и социалистовъ.

Итакъ что же такое нигилизмъ и откуда онъ взялся?

Для рѣшенія этого вопроса необходимо прежде всего ознакомиться съ ученіемъ отцовъ нигилизма, первыхъ его основателей. Отличнымъ пособіемъ для этой цѣли могутъ служить брошюры * г. Цитовича (*Что дѣлали въ романъ „Что дѣлать“, Разрушеніе эстетики и Реальная критика*), гдѣ сущность нигилистическаго ученія выясняется съ достаточною полнотою.

Не должно забывать что основатели интересующаго насъ ученія развивая свои идеи не были свободны: хотя нѣкоторые изъ нихъ невозбранно подвизались и въ подцензурныхъ изданіяхъ, но все же, такъ или иначе, приходилось имъ имѣть въ виду законы о печати и опасаться непріятныхъ и убыточныхъ послѣдствій въ случаѣ слишкомъ явнаго или слишкомъ грубаго ихъ нарушенія. Такое стѣсненіе, естественно, повредило догматическому изложенію ученія о которомъ мы поведемъ рѣчь. Приходилось изворачиваться, лавировать между Сциллой и Харибдой, въ одно и то же время и *отрицать* и *утверждать*, ломать старые и создавать новые идеалы,—и все это дѣлать лихорадочно, порывисто, страстно, но болѣе увлекаясь процессомъ разрушенія, чѣмъ актомъ созиданія.

Ширина отрицанія характеризующаго новое ученіе обнимаетъ не только весь у насъ установившійся порядокъ, но и весь современный строй государственной и общественной жизни. Нынѣшняя европейская цивилизація съ ея наукой, искусствомъ, литературой, отвергается новымъ ученіемъ. „Пусть догниваетъ старая цивилизація, говоритъ одинъ изъ второстепенныхъ нигилистовъ,—намъ незачѣмъ подбирать ея негодные обломки или наряжаться въ ея лохмотья. Старая цивилизація умираетъ не по годамъ, а по днямъ. Она чувствуетъ свою дряхлость и въ то же время боится смерти, какъ суевѣрная грѣшница“. „Теперешняя Европа, замѣчаетъ Писаревъ, накопивъ въ своемъ наслѣдіи вѣковъ всѣ заблужденія, ошибки, знанія и невѣжество прошедшихъ временъ, хранить все это какъ Плюшкинъ въ одной кучѣ... Никто не понималъ что значитъ зло и что значитъ добро... Все это должно было прекратиться, когда стало извѣстно что въ

* Для сокращенія, брошюры г. Цитовича будемъ въ послѣдующемъ обозначать однѣми римскими цифрами, а фамилію его буквой Ц.

экономическомъ смыслѣ добро есть выгода, зло есть убытокъ; въ фізіологическомъ отношеніи добро есть пріятное ощущеніе, а зло—ощущеніе непріятное; что добро и зло въ примѣненіи къ общимъ человѣческимъ отношеніямъ слѣдуетъ понимать какъ пользу и вредъ“ *. „Монополь (?) знаній и гуманнаго развитія представляетъ конечно одну изъ самыхъ вредныхъ монополей. Наука должна быть осязательная... что осязательно, что можно разсмотрѣть глазами и ощущать руками, пойметъ и десятилѣтній ребенокъ и простой мужикъ“. ** „Легионы славныхъ англійскихъ ученыхъ, говоритъ тотъ же писатель, не что иное какъ защитники буржуазіи, какъ бойцы за эксплуатацію“. Ньютонъ, при всей своей геніальности, не имѣетъ права подавлять „своимъ умственнымъ величіемъ“ какого-нибудь штукатура. Писаревъ особенно безпощаденъ къ Маколею и Миллю, которыхъ осыпаетъ сарказмами, называя первого „популярнымъ балагуромъ“, а второго „воролюбовымъ экономистомъ“, потатчикомъ ворама. *** Не лучше и германская ученость, особенно профессорская, „не признающая здраваго смысла“: пользы отъ нея ни малѣйшей! Велики, напримѣръ, труды Гриммовъ, но они не приносятъ „дѣйствительной пользы ни одному живому человѣку въ мірѣ“. Братьевъ Гриммовъ нашъ авторъ сравниваетъ съ Рафаэлемъ, причемъ замѣчаетъ что будь въ Италіи и десять тысячъ Рафаэлей, „то это нисколько не подвинуло бы впередъ италіянскую націю ни въ экономическомъ, ни въ политическомъ, ни въ соціальномъ, ни въ умственномъ отношеніи“. **** Справедливость требуетъ сказать что не всѣ европейскіе ученые подвергаются сарказмамъ и осужденію: изъ нашего источника видно, напримѣръ, что Бокль и Дарвинъ принадлежатъ къ числу изъятыхъ.

Если въ западной Европѣ существующая цивилизація мѣшаетъ обновленію, то затрудненій много менѣе на нашей родинѣ. „Наша русская цивилизація, говоритъ Добролюбовъ, находится въ особенно благопріятномъ положеніи для того чтобы принять на себя обновляющія начала; ей благопріятствуетъ въ этомъ отношеніи именно то обстоятельство что

* Ц. II, 60.

** Ц. II, 54.

*** Ibid., 36—40.

**** Ibid., 51.

она находится еще въ колыбели или въ утробѣ матери.“ * Само собою разумѣется что въ ожиданіи развитія этихъ зачатковъ вся русская жизнь, руская гражданственность какъ она сложилась подлежатъ безпощадному разрушенію. Въ русской жизни отвергались всякія моральныя и даже юридическія основы,—религіозныя, нравственныя, семейныя и т. д. Разрушалось, то-есть предлагалось къ разрушенію такъ много, такая груда развалинъ рисовалась въ перспективѣ что трудно даже распознаться въ этой массѣ.

II.

По цензурнымъ условіямъ, не представлялось возможности сдѣлать прямыя, энергическія наладки на религію. Приходилось говорить о ней косвенно, иносказательно, но такъ однакоже что изъ многихъ отрицаній само собою выходило что отрицается религія то какъ одинъ изъ „старыхъ предразсудковъ“, то какъ „мистическія бредни“, „патологическія явленія“ и другія „фантазіи“, мѣшающія личному и общественному благополучію. „Общественныя и экономическія доктрины до сихъ поръ представляютъ, говоритъ Писаревъ, очень близкое сходство съ отжившими призраками астрологіи, алхиміи, магіи и теософіи“. ** „Распространилась, замѣчаетъ въ свою очередь Добролюбовъ, общеизвѣстная нынѣ истина что сила есть неизбѣжное свойство матеріи,—съ тѣхъ поръ мы считали совершенно ненужными всѣхъ этихъ Ормуздовъ и Аримановъ...“ (многоточіе въ подлинникѣ); *** „Послѣдовательный реалистъ считаетъ себя свободнымъ отъ теософической олеки, не ожидаетъ себѣ свыше ни награды за добро, ни наказанія за зло“ (Писаревъ).****

При такомъ отношеніи къ религіи, естественно, нравственныя начала на ней основанныя должны также отвергаться. Нравственность, утверждаетъ Писаревъ, имѣетъ мистическій смыслъ, не имѣющій ничего общаго со здравымъ смысломъ. „Возгласы о добродѣтели, свидѣтельствуетъ Добролюбовъ, уже

* Ц. II, 44.

** Ц. II, 47.

*** Ц. III, 33.

**** Ibid., 60.

сбили у насъ съ толку нѣсколько талантливыхъ людей.“ По мнѣнію того же философа, „вѣрить въ необходимость стѣсненія (нравственнаго) значить смотрѣть на весь міръ глазами аскета и истязать самого себя изъ любви къ искусству.“ * Изъ того положенія (нигилистической аксіомы) что „человѣкъ есть не что иное какъ животный организмъ“ явственно вытекаетъ дальнѣйшее отрицаніе психической жизни, на мѣсто которой ставится одно наше тѣло, но въ двухъ его функціяхъ—физической и химической. На этомъ принципѣ зиждется положительная (реалистическая) и отрицательная (нигилистическая) сторона нашей повѣйшей этики. „Ставить вопросъ о нравственности и безнравственности, говорить одинъ изъ нигилистовъ, значить къ старымъ трудностямъ прибавлять новыя: это повтореніе спора о добрѣ и злѣ“ **. По мнѣнію Писарева, „каждый здоровый человѣкъ добръ и честенъ до тѣхъ поръ пока всѣ его естественныя потребности удовлетворяются достаточнымъ образомъ... Животный инстинктъ самосохраненія *долженъ* быть сильнѣе всѣхъ нравственныхъ соображеній“ ***. По мнѣнію этого писателя, вѣрить на слово совѣсти значить „обрекать себя на вѣчную неподвижность.“ **** „Привило что во всякомъ случаѣ нужно быть честнымъ, по увѣренію Добролюбова, никуда не годится“ †, а на счетъ *долга* онъ выражается такъ: кто исполняетъ требованія долга, тотъ „поступаетъ безчестно и подло, есть жалкая дрянь и тряпка и только напрасно позорить свое существованіе“ †*. Писаревъ относится къ *долгу* мягче, игривѣе: долгъ, говоритъ онъ, „въ глазахъ реалиста не имѣетъ никакого смысла.“ †**. Писаревъ впрочемъ допускалъ „самосовершенствованіе“, но объяснялъ его физиологически и даже механически. „Самосовершенствованіе, говорилъ онъ, дѣлается также естественно и произвольно какъ совершаются процессы дыханія, кровообращенія и пищеваренія. Чѣмъ бы вы ни занимались, вы съ каждымъ днемъ пріобрѣтаете бѣольшую энергическую ловкость, бѣольшій навыкъ и олытность.... Идеаль человѣка *comme il faut*,

* Ц. II, 64, 67, а также III, 18.

Ц. II, 61.

*** Ц. II, 16.

**** Ibid., 47.

† Ibid., 78.

†* Ц. III, стр. 21.

†** Ц. II, стр. 19.

человѣка дѣльнаго, хорошаго семьянина, хорошаго чиновника и проч.,—все это мечты которыя болѣе или менѣе отравляютъ жизнь и мѣшаютъ беззабѣтному наслажденію.“ * Но не однѣми фізіологическими причинами, а и экономическими (частію даже эстетическими, какъ ни странно это покажется) опредѣляются нашими этиками нравственныя понятія: такъ, напримѣръ, „добро есть“ не что иное какъ „выгода“ и ощущеніе пріятное, а „зло“—„убытокъ“, „ощущеніе непріятное.“ ** На этой морали основывается и квалифікація уголовныхъ преступленій. Такъ уваженіе къ чужому выводится не изъ какихъ-нибудь нравственныхъ принциповъ, а изъ простаго разчета, основаннаго на инстинктѣ самосохраненія, изъ боязни попасться и получить за это серіозную непріятность. „Всякое преступленіе опасно, разсуждаетъ Писаревъ, и слѣдовательно не удобно. Умнымъ людямъ ничто, кромѣ личнаго вкуса, не мѣшаетъ убивать и грабить.“ *** Но съ точки зрѣнія нигилистической морали, образки которой приводятся выше, самое понятіе о преступленіи отрицается, какъ равно и свободная воля и вообще всякая функція психической жизни. Вопросъ о преступникѣ, по мнѣнію Писарева, сводится къ слѣдующей дилеммѣ: или онъ больной, котораго надо лѣчить, или онъ „герой страшной трагедіи, погибающій подъ гнетомъ враждебныхъ обстоятельствъ.“ **** Идея невмѣняемости вытекаетъ по нигилистической доктринѣ изъ слѣдующаго силлогизма: дѣйствія человѣка основываются только на его внутреннихъ побужденіяхъ; а эти послѣднія зависятъ отъ его органическихъ условій и внѣшнихъ явленій, всегда угнетающаго свойства; очевидно что понятіе о виновности не имѣетъ никакого смысла †. На томъ же основаніи отрицается какъ нелѣпость и всякій судъ.

Всего строже, можно сказать, всего безплощаднѣе относятся наши нигилисты къ идеальной сторонѣ жизни. Ихъ понятіе объ идеяхъ и идеалахъ весьма широко; въ кругъ этихъ понятій они вводятъ всю совокупность явленій христіанской нравственности и европейской цивилизаціи, результаты просвѣщенія, наукъ, искусствъ и литературы. Восторженный

* Ibid., 42—43.

** Ц. II, 60.

*** Ц. II, 43—44.

**** Ц. III, 60.

† Ibid. .

Писаревъ, вѣроятно для полемическаго удобства, всю совокупность явленій моральнаго и идеальнаго міра называетъ однимъ словомъ—„эстетикой“. Онъ съ безпощадною ироніей относится къ этому слову; употребляетъ всѣ свои силы, всю литературную свою дѣятельность, дѣйствительно не малую, на то чтобы вытравить эту „эстетику“. Не одинъ однако Писаревъ. „Пора бы намъ, говорить въ свою очередь Добролюбовъ, отстать отъ отвлеченныхъ идей, по которымъ будто бы образуется жизнь, точно такъ какъ отстали отъ теологическихъ мечтаній бывшихъ въ такой модѣ во времена схоластики. Искаженныя стремленія идеализма постоянно въ насъ проглядываютъ.“ * Пора отстать тѣмъ болѣе „что, по выраженію одного изъ позднѣйшихъ реалистовъ, увлеченіе идеей и принципомъ вообще не въ характерѣ Русскаго народа“. Онъ провозглашаетъ: „никакое намѣреніе исполнить обязанности гражданина невыполнимо, потому что никакихъ гражданскихъ обязанностей въ сущности нѣтъ. Убѣжденія, принципы, цивическая добродѣтель,—все это нелѣпый бредни.“ ** Писаревъ жалѣетъ объ аскетѣ все равно какъ о слѣпомъ, безрукомъ или сумасшедшемъ, и полагаетъ что „полнѣйшее проявленіе человѣчности возможно только въ цѣльной личности, развившейся совершенно безыскусственно и самостоятельно, не сдавленной служеніемъ разнымъ идеаламъ, не потратившей силъ на борьбу съ собою.“ *** „Что такое благородный энтузіазмъ?“ спрашиваетъ онъ же, и сейчасъ же отвѣчаетъ: „Это пустой звукъ, не соответствующій никакому опредѣленному представленію. Мы можемъ не толковать теперь о борьбѣ за святыя убѣжденія, о принесеніи себя въ жертву принципамъ,—практическаго дѣла изъ этого выйти не можетъ.“ **** „Еслибы всѣ, говорить онъ же, въ строгомъ смыслѣ были эгоистами по убѣжденіямъ, то-есть заботились только о себѣ, не создавая себѣ искусственныхъ понятій идеала и долга, то, право, тогда привольнѣе было бы жить на бѣломъ свѣтѣ нежели теперь... теперь же вся жизнь отдѣльнаго человѣка сдавлена, спутана въ своихъ проявленіяхъ въ угоду отвлеченнаго понятія государства“ (и прочаго,

* Ц. II, 7.

** Ц. II, 43.

*** Ibid., 21.

**** Ibid., 22.

конечно, идеальнаго). * „Пружина чести (читаемъ у него же въ другомъ мѣстѣ), уваженіе, личное достоинство, самолюбіе, благодарность, добро, зло, вѣжливость, великодушіе, состраданіе, милосердіе, сердце, справедливость, умъ, знаніе, законъ, конституція, свобода, равенство и т. д.,—всѣ эти слова для насъ отживающія слова.“ ** Писаревъ даетъ „эстетикѣ“ опредѣленіе очень краткое, признавая ее проявленіемъ „неисчерпаемой глупости“, объемъ которой онъ однакоже очерчиваетъ широко; сюда входитъ все что возбуждаетъ „въ груди пламеннаго эстетика цѣлую бурю высокихъ ощущеній“, а именно: „жестокость семейнаго деспота, фанатизмъ старой ханжи, несчастная любовь дѣвушки къ негодяю, кротость терпѣливой жертвы семейнаго самовластія, порывы отчаянія, ревность, корыстолюбіе, мошенничество, буйный разгулъ, тихая мечтательность, восторженная чувствительность.“ *** „Эстетика“ стѣсняетъ общество, давитъ его со всѣхъ сторонъ, подобно морали и законности; она есть „самый прочный элементъ умственнаго застоя и самый надежный (sic) врагъ разумнаго прогресса“. **** „Мы затѣмъ и стараемся доканать эстетикѣ чтобы сосредоточить вниманіе и умственные силы общества на самомъ незначительномъ числѣ жгучихъ и неотразимыхъ вопросовъ первостепенной важности“. † Онъ особенно безплодаденъ къ поэтамъ. Онъ увѣренъ что поэтомъ можно сдѣлаться точно такъ же какъ адвокатомъ или сапожникомъ и что „реалисты“ потому не лишуютъ стиховъ и драмъ что считаютъ себя выше этихъ занятій; онъ провозглашаетъ что Пушкинъ былъ вреденъ, ибо „обезоруживаетъ личный протестъ и укрѣпляетъ общественные предрасудки, которые нужно разрушить“; †* что Бѣлинскій, какъ критикъ,—„уродливое явленіе“; „*Мертвыя Души*—„челуха“. Но оставимъ пламеннаго Писарева и обратимся къ болѣе хладнокровному Добролюбову. „Что такое, спрашиваетъ онъ, всѣ учрежденія, нравы, привычки, понятія, стремленія, искусство, наука, права

* Ibid., 44, 47—48.

** Ibid., 80.

*** Ibid. 59.

**** Ц. II, 96.

† Ibid., 46.

†* Предлагаемъ замѣтить это выраженіе тѣмъ которые считаютъ Добролюбова и Писарева продолжателями Бѣлинскаго.

этой громадной толпы (образованные классы)? Ничтожный, грязный хаосъ, который долго можетъ задерживать своимъ присутствіемъ умственное развитіе человѣчества, но который никогда не можетъ произвести изъ себя ничего прочнаго, ничего живаго, ничего способнаго развиваться и совершенствоваться“ (и это не у однихъ насъ, но и „во всемъ цивилизованномъ мірѣ“) *.

Чтобъ исчерпать вопросы подвергнувшіеся полному отрицанію со стороны нашихъ моралистовъ, остается сказать о русской семьѣ и о русской женщинѣ, которыя осуждались ими на безусловную гибель. Русскую семью, не однихъ московскихъ кулцовъ, но вообще достаточныхъ классовъ, Добролюбовъ называлъ „темнымъ царствомъ“; Писаревъ также принимаетъ это названіе, но имъ не довольствуется, а даетъ свое— „курятникъ“. Картину семьи (не только у насъ, но и вездѣ) онъ рисуетъ въ самомъ безотрадномъ видѣ, причемъ даже вдается въ поэзію и романтизмъ. Семья оказывается „превосходною школой безнравственности“, зародышемъ и поприщемъ войны и порабощенія, школой рабства, эксплуатаціи, воровства и грабежа; ** но у насъ семья хуже чѣмъ гдѣ-нибудь, потому что у насъ самый законный протестъ осуждается всегда какъ преступленіе. Не сомнѣваясь въ силѣ и искренности чувствъ такъ-называемыхъ *любящихъ матерей*, Писаревъ сумму ихъ вліянія считаетъ не только вредною, но и „губительною“; но почему же? Потому, онъ думаетъ, что такая мать способна отвлечь „молодаго человѣка“ отъ „новаго, привлекательнаго образа жизни“ и возвратитъ его на истинный путь, т.-е. „заглохнуть въ томъ омутѣ изъ котораго онъ было старался выкарабкаться“. *** Плоха семья, плохи и ея члены—отцы, матери, братья и сестры. Больше всего старается Писаревъ пристыдить русскихъ женщинъ ****. Современные женщины, увѣряетъ онъ, потому плохи что онѣ думаютъ „не столько о томъ чтобы наслаждаться жизнію сколько о томъ чтобы не попасть въ какую-нибудь непріятную передѣлку“ †.—плохи онѣ опять-таки отъ „эстетики“, отъ зловреднаго вліянія семьи. Онѣ боятся общественнаго мнѣнія, родителей,

* Ц. III, 54.

** Ц. II, § 29, стр. 72—74.

*** Ibid., § 30, 74—75.

**** Ibid., § 7, 22—24.

† Ibid., 20.

родственниковъ и не даютъ воли своимъ влеченіямъ; онѣ эгоистки, ибо „рѣдко умная женщина рѣшится броситься на шею любимому мужчѣ, не связавъ его предварительно крѣпкимъ общеніемъ предъ лицомъ общества и церкви“*; онѣ паразитки, ничего не производящія „кромя супружескаго счастья“**; онѣ склонны поддаваться „нелѣпому обычаю теологическаго мистицизма (таинству брака)“***. Но, обвиняя женщинъ, Писаревъ въ то же самое время и соболѣзнуетъ о нихъ, ибо признаетъ что источникъ зла, общаго для обоихъ половъ, кроется въ рабствѣ женщинъ, которое подлежитъ немедленному разрушенію. Женщина у насъ, по его мнѣнію, порабощена какъ дѣвушка, какъ жена и какъ раба. Рабство дѣвушекъ не требуетъ доказательствъ, ибо объясняется зловернымъ вліяніемъ семьи (отцовъ и матерей); въ замужествѣ женщина порабощается „долгомъ“, что крайне нелѣпо, ибо „женщина не виновата если измѣняетъ намъ и отдается другому“; во вдовствѣ она порабощается, такъ-сказать, временно,—остается свободною тогда когда сама не знаетъ что дѣлать съ этою свободой****.

III.

Прежніе люди, мужчины и женщины, оказались нигде негодными; явилась потребность въ новыхъ людяхъ, должныствующихъ стать солью Русской земли. *Какіе* же ожидались новые люди?

Новые человѣкомъ управляютъ только (говоритъ Писаревъ) личныя выгоды или личные расчеты. *Ни надъ собою, ни внѣ себя, ни внутри себя онъ не признаетъ никакого регулятора, никакого нравственнаго закона, никакого принципа...* Онъ дѣлаетъ только то что ему пріятно: ему пріятно то что ему хочется, слѣдовательно онъ дѣлаетъ только то что ему хочется... Онъ считаетъ совершенно излишнимъ стѣснять свою особу въ чемъ бы то ни было; онъ ни въ комъ не нуждается, никого не боится, никого не любитъ и вслѣдствіе этого никого не щадитъ... Люди *новые* могутъ безъ малѣйшей

* Ц. II, 20.

** Ibid., 63.

*** Ibid., 67.

**** Ibid., § 26, стр. 63—66.

опасности быть эгоистами до последней степени*. Сказать: „эгоистъ“ значитъ сказать: „человѣкъ“; ибо „эгоизмъ“ есть полная свобода личности, уничтоженіе обязательныхъ трудовъ и добродѣтелей.“ ** „Понятія жертвы и стѣсненія, говоритъ одинъ изъ адептовъ новаго ученія, совершенно не имѣютъ себѣ мѣста въ міросозерцаніи новыхъ людей“. Толковать о нравственныхъ началахъ и о какомъ-то „общемъ идеалѣ“ обязательномъ для всѣхъ также глупо какъ говорить объ „общихъ очахъ или общихъ сапогахъ сшитыхъ по одной мѣркѣ и *** на одну колодку“ (Писаревъ). Итакъ, эгоизмъ, можно сказать, главная нигилистическая добродѣтель, покоящаяся на „удовлетвореніи естественныхъ потребностей“. Въ этомъ отношеніи *новый* человѣкъ есть *панъ, баринъ*, нраву котораго никто не смѣетъ прелятствовать. До какой степени онъ эгоистъ до той же степени простирается его „дерзость“. Вѣроятно въ минуты откровенности вотъ какъ проговорился на этотъ счетъ Писаревъ: „Дерзость наша равняется только нашей глупости и только нашею глупостью можетъ быть объяснена и оправдана“. ****

Эгоизмъ „новаго“ человѣка, его индивидуальность, вполне выясняются въ отношеніяхъ къ женщинѣ. Когда „реалистъ“ (онъ же и „новый“ человѣкъ) встрѣтится съ женщиной, когда ее полюбитъ, и когда она отвѣтитъ ему тѣмъ же; то онъ разсуждаетъ (конечно вслухъ) такъ: „любовь—такъ любовь: торгъ—такъ торгъ; а любви съ гарантіями и условіями я не понимаю“ †. Полюбивъ женщину, „реалистъ“ не станетъ охлаждать и сдерживать себя, но не станетъ и подогрѣвать своего чувства, „когда оно остынетъ послѣ полного удовлетворенія“. Повинуясь лишь стимулу „естественныхъ потребностей“, новый человѣкъ „можетъ отдаваться очарованію многихъ женщинъ одной за другой“, но онъ не способенъ „поддерживать съ женщиной обязательныя отношенія“, не способенъ именно потому что новые люди чувствуютъ фізіологическое отвращеніе „къ самой гуманной и добродушной эксплуатаціи“. †*

* Ц. II, стр. 16 и 21.

** Ibid., 80.

*** Ibid., 61—62.

**** Ibid., 9.

† Ibid., 21.

†* Ц. II, стр. 20—21.